

– Увы, любезный кузен! – сказал сэр Эктор, – простите меня, ведь я сэр Эктор Окраинный.

И сэр Персиваль с сэром Харри тоже весьма обрадовались сэру Блеоберису, но всем им было досадно, что сэр Брюс Безжалостный от них ушел, и они тому сильно печалились.

5

Так стояли они там и беседовали, и вдруг скачет сэр Паломид; и когда он увидел щит сэра Блеобериса на земле, сказал сэр Паломид так:

– Пусть тот, кому принадлежит этот щит, готовится к поединку со мною, ибо он только что выбил меня из седла у ручья неподалеку отсюда, и потому теперь я желаю сразиться с ним в пешем бою.

– Сэр, я готов, – отвечал сэр Блеоберис, – и отвечаю на твой вызов, ибо знай, сэр рыцарь, это был я, и мое имя – сэр Блеоберис Ганский.

– Я рад встретить тебя, – сказал сэр Паломид, – и знай, что мое имя – сэр Паломид-Сарацин.

(А они оба ненавидели друг друга смертельной ненавистью.)

– Сэр Паломид, – сказал сэр Эктор, – да будет ведомо тебе, что нет такого рыцаря на свете, который, убив кого-нибудь из нашего рода, не умрет за это. А потому, коль скоро тебе угодно сражаться, то поезжай и разыщи сэра Ланселота или же сэра Тристрама, эти рыцари – тебе равны по силе.

– С ними я уже встречался, – отвечал сэр Паломид, – но в поединках с ними чести себе не завоевал.

– А больше не случалось вам встретить рыцаря, – спросил сэр Эктор, – кроме этих двоих, который был бы вам под стать?

– Случалось, – отвечал сэр Паломид. – Был еще и третий рыцарь, он ничем не уступал им обоим, а из своих сверстников он первый, ибо равного ему не встречал я нигде. Доживи он до зрелости, не было бы на свете рыцаря, равного ему мощью. Звали же его сэр Ламорак Уэльский. Однажды на турнире он одержал верх надо мною и еще над тридцатью рыцарями и завоевал первенство. Но когда он уезжал оттуда, его подстерег сэр Гавейн со своими братьями, и превеликими трудами они убили его предательски, всем добрым рыцарям на горе!

Лишь только услышал сэр Персиваль о гибели своего брата сэра Ламорака, он упал без памяти на гриву своему коню и стал плакать и убиваться прегорестно, как еще ни один благородный рыцарь на свете. А когда сэр Персиваль поднял голову, то сказал так:

– Увы, мой добрый и благородный брат сэр Ламорак, никогда теперь уж нам не встретиться! А ведь во всем широком свете не найдется второго такого рыцаря среди его сверстников. О, как тягостно пережить сначала смерть отца нашего короля Пелинора, а потом еще смерть нашего доброго брата сэра Ламорака!

А тем временем прибыл туда паж от двора короля Артура и поведал им о том, что в Лонезепе назначен большой турнир, и на нем наши земли и Корнуэлл с Северным Уэльсом будут сражаться против всех, кто только ни приедет с разных концов света.

6

Мы же теперь обратимся к сэру Тристраму, который однажды, выехав на охоту, повстречал сэра Динадана – он приехал в эти края разыскивать сэра Тристрама.

Сэр Динадан сразу же назвал сэру Тристраму свое имя, но сэр Тристрам своего имени открыть не захотел, и оттого сэр Динадан на него жестоко разгневался.

– Вот точно такого же неразумного рыцаря, как вы, – сказал сэр Динадан, – я видел не далее как сегодня, у ручья. Он был словно во сне. Лежал над ручьем, улыбался, будто безумный, и ни слова мне не отвечал, а рядом валялся его щит, и конь его тоже стоял рядом. Я сразу же понял, что это – влюбленный.

– А, любезный сэр, – сказал сэр Тристрам, – а вы разве не влюбленный?

– Еще чего! Тьфу на это колдовство!

– Сэр, неправильно вы говорите, – сказал сэр Тристрам, – ибо нет истинной рыцарской доблести без любви.

– Прекрасно сказано, – сказал сэр Динадан. – А теперь, прошу вас, назовите мне ваше имя,